

Античность и варвары: религия и мифология на стыке цивилизаций

И.Ю. Шауб. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–IV вв. до н.э. СПб, 2007. 485 с.

Выход в свет монографии И.Ю.Шауба, несомненно, является важным научным событием как в изучении истории Северного Причерноморья, так и в истории отечественного антиковедения в целом. Отметим, что сам труд существенно выходит за пределы, обозначенные в заглавии, и представляет большую ценность не только для изучения данного региона, но и для исследования греческой религии и мифологии как целостного явления, равно как и для анализа исторической психологии античной древности и проблем взаимодействия греческого и «варварского» миров. Обозначив VII–IV вв. до н.э. (эпоху греческой архаики и классики) как основной интересующий его период, И.Ю. Шауб также дает немало полезной информации как по истории религии более раннего (микенского и «гомеровского») времени, так и для более поздних, эллинистической и римской эпох.

В своём обзоре историографии И.Ю. Шауб справедливо указывает на отсутствие обобщающих монографических исследований по истории религиозной жизни греко-варварского мира Северного Причерноморья, включавшего в себя такие разные составные части, как Ольвия, Херсонес

и Боспорское царство (с. 31), однако после выхода в свет его книги можно с уверенностью сказать, что эта последняя в полной мере заполняет эту лауну. Наверное, главной заслугой И.Ю. Шауба можно считать представление огромного объёма самой разнообразной информации по истории религии северопричерноморского региона. Опираясь на глубокие знания в самых различных областях мировой культуры и умело соединяя материал литературных источников, эпиграфики и нумизматики с анализом памятников искусства и рассмотрением огромного материала археологических раскопок, автор создаёт большой свод конкретных данных, скрупулёзно исследуя даже мельчайшие подробности религиозной жизни региона. Можно без преувеличения сказать, что труд И.Ю. Шауба носит воистину энциклопедический характер и в этом плане представляет значительную пользу для любого учёного, занимающегося причерноморскими сюжетами или желающего пополнить свои знания в этой области.

Монография И.Ю. Шауба – это не только огромный свод материала, но и серьёзное исследование проблемного характера, поставившее ключевые вопросы, всегда интересовавшие отечест-

венное и зарубежное антиковедение. Каковы были особенности религиозной и духовной жизни Северного Причерноморья, этого весьма специфичного региона, где сталкивались греческий и «варварский» миры? Чем она отличалась от религии и духовной жизни греческих метрополий? Что стояло за причерноморскими культурами греческих богов и богинь и как относились греки к местным верованиям и обычаям? Всё это лишь весьма неполный перечень основных проблем исследования, вокруг каждой из которых возникает огромное множество конкретных вопросов.

Композиция книги И.Ю. Шауба вполне органично соответствует поставленным автором задачам. После небольшого введения следуют две главы, соответственно посвящённые источникам (гл. I. Источники; с. 16–31) и историографии (гл. II. Историография; с. 31–58), после чего автор переходит к рассмотрению вначале греческой (гл. III. Греческая мифологическая традиция и Северное Причерноморье; с. 58–80), а затем и «варварской» (гл. IV. Верования и культы местного населения Северного Причерноморья; с. 80–159) составляющих религиозной и духовной жизни северопричерноморского региона.

Если первая часть исследования посвящена общим проблемам и принципам подхода к теме, то вторая содержит большой собственно фактический материал, отражающий естественное региональное деление причерноморского мира. Так, глава V (Религиозные представления и куль-

ты ольвиополитов; с. 159–239) содержит обзор религии Ольвии, глава VI (Культы Херсонеса; с. 259–288), посвящена религии Херсонеса, а глава VII (Религиозная жизнь населения Боспора; с. 288–413) отражает сложную религиозную картину, сложившуюся в Боспорском царстве. Итоги работы подводятся в заключении.

Уже глава I даёт представление о масштабах проделанной автором работы. В первой её части содержится подробнейший обзор литературных источников, представляющий собой очень скрупулёзный компендий достаточно фрагментарных данных, разбросанных по всей греческой литературе и собранной воедино благодаря усилиям И.Ю. Шауба. Мы видим свод сообщений различных авторов, начиная от Гомера и Гесиода и заканчивая римскими авторами эпохи Поздней Империи и византийскими лексикографами (с. 13–20). Более полны сведения о религии причерноморских «варваров», где мы можем опереться на IV книгу «Истории» Геродота, однако и здесь автор пополняет известные нам знания, буквально по крупицам собирая материал источников и используя самое малое свидетельство, касающееся интересующей его темы (с. 21–22).

К этому литературному компендию И.Ю. Шауб добавляет другую группу источников, добытую в результате многолетней деятельности отечественных археологов, участником которой в течение длительного времени является и он сам. В этой части главы проводится

тщательный анализ самых разнородных источников: остатков культовых и погребальных комплексов и других строительных сооружений, всевозможных эпиграфических и нумизматических данных, граффити и надписей на вазах, многочисленных произведений искусства, глиптики и коропластики (с. 23–50). К сожалению, не будучи профессиональным археологом, автор рецензии, вероятно, не может в полной мере оценить значение этой деятельности (включая и личную деятельность И.Ю. Шауба), но можно вполне определённо отметить высокую степень информативности этого и многих других «археологических» разделов монографии и поддержать мнение автора, что только сопоставление и комбинация различных источников может дать нам полное представление о религии Северного Причерноморья.

Столь же основательна глава II, посвящённая историографии вопроса (с. 31–37). Северное Причерноморье – это фактически единственный «домен» отечественной классической археологии, а потому исследования на русском языке имеют особое значение для науки и носят особенно оригинальный характер. Исследованиями Северного Причерноморья занимались практически все крупнейшие русские эллинисты конца XIX – начала XX вв. (М.И. Ростовцев, В.В. Латышев, И.И. Толстой и др.), затем эстафету приняли советские исследователи (М.И. Артамонов, В.Д. Блаватский, В.Ф. Гайдукевич, М.М. Кобылина и др.), а уже позже и

нынешние поколения ученых, видное место среди которых занимает и сам И.Ю. Шауб. К поистине огромному (свыше 1000 работ, приведенных в библиографии – с. 419–456) списку отечественных работ примыкает не меньший список зарубежных исследований, в основном посвящённых вопросам греческой религии и мифологии, культурам конкретных божеств, этнографическим исследованиям и тем археологическим данным, которые могут дать интересный и важный сравнительный материал. Таким образом, И.Ю. Шауб органично соединяет огромный конкретный материал, добытый, прежде всего, отечественной наукой, с той широкой теоретической и общеисторической основой, которую создало зарубежное антиковедение.

Разумеется, написание компактного обзора, охватывающего свыше двух тысяч трудов, является совершенно нереальной задачей, а потому целью автора в этой главе стало лишь обозначение основных тенденций исследования и наиболее значительных, уже вошедших в историю науки имен и названий. И.Ю. Шауб успешно справился и с этой задачей. Удачной можно назвать и композицию главы: после общей части (с. 31–37) автор последовательно рассматривает историографию религиозной жизни трех регионов северопричерноморского мира: Ольвии (с. 38–42), Херсонеса (с. 42–50) и Боспора (с. 50–57).

В отличие от многих современных работ, в книге И.Ю. Шауба исто-

риография не «уходит» из книги после соответствующей, посвящённой ей главы, но остаётся в монографии вплоть до её конца. Автор посвящает историографический анализ практически любой, сколь-нибудь значимой конкретной проблеме, а некоторые частные обзоры (напр. с. 71–72; 76–78; 84–88; 113–115; 183–187; 277–278; 315–318; 325–328; 353–354 и др.) служат вполне естественным дополнением к основному обзору.

Собственно изложение материала начинается с главы III, где автор представляет греческую мифологическую традицию и, прежде всего, ту её часть, которая возникла в процессе освоения эллинами Северного Причерноморья или была связана с этим регионом. Предметом внимания И.Ю. Шауба стали знаменитый миф об аргонавтах (с. 59–60), мифы об амазонках и ари-маспах (с. 75–79) и те персоналии, которые имели особые связи с этим регионом – Геракл (с. 61–68), Ифигения (с. 69–73), Ахилл (с. 73–75), Ио (с. 60–61). Ряд выводов автора, вероятно, невозможно оспорить. К этой категории можно отнести, в частности, экскурс об острове Эя (с. 60), рассмотрение параллели между мифом об Ио и скифской легендой (с. 61), анализ мифа о встрече Геракла и змееногой девы и предания о происхождении скифов (с. 62–64), рассмотрение истоков традиции об Ифигении (с. 72–73) и другие сюжеты.

Вместе с тем, именно здесь начинаются наши вопросы, а временами и недоумения. Говоря об аргонавтах, ав-

тор лишь отмечает насыщенность сюжета «бродячими мотивами» и то обстоятельство, что первоначальное ядро мифа «не нуждалось в точной географической привязке», «происходя не на географической карте, а в мифологическом гиперпространстве» (с. 59). Между тем (и это является нашим убеждением) подобного рода мифология, равно как и мифология «Одиссеи», была бы невозможна вне уникального опыта географических открытий греков, бывших современниками эпохи ранней архаики, а, возможно, и микенского времени. Мы далеки от очередной попытки построить маршрут путешествия Одиссея или Ясона и искать пещеру Киклопа, остров Сирен и золотое руно, однако считаем не меньшей ошибкой нежелание видеть в этих мифах определённое, пусть даже сколь угодно фантастическое, отражение некоего *реального* опыта, связанного с далекими странствиями и общением с далекими (или даже близкими) иноземными народами и их «странными» обычаями. Многие большие путешествия так или иначе «затрагивали» «тот свет» (ср. с. 60), однако Ясон, Одиссей, Геракл или Эней шли к нему разными путями и искали его в *разных* частях ойкумены. Отчасти с этим связано и другое возражение, касающееся образа Ифигении (с. 71–73). И.Ю. Шауб прав, связывая её образ с жестоким женским божеством тавров (с. 71), в свою очередь ассоциировавшимся у греков с древними пластами культа Артемиды и восходящим (как, впрочем, почти все женские божест-

ва и героини) к Великому женскому божеству. Всё это так, но едва ли целесообразно отказываться от переосмысления (едва ли на ровном месте) этого образа у Еврипида, когда хрупкая девушка, очень хотевшая жить и боящаяся смерти, жертвует собой ради общего блага ахейцев, а затем, став верховной жрицей страшного божества, опять-таки рискуя жизнью, спасает брата и его друга и бежит с ними в светлый мир, откуда её вырвала воля Артемиды. Есть и другие варианты – сумев спасти брата, Ифигения так и не смогла покинуть чудовищный мир таврской богини.

Мы ещё вернёмся к теме Великого женского божества, сейчас же остановимся на другой теме, которую уместно затронуть именно в этой части. Подвергнув детальному анализу культа Ольвии, Херсонеса и Боспора, И.Ю. Шауб приходит к бесспорному выводу, что религия причерноморских колоний существенно отличалась от религии их метрополий и основного греческого мира. Отчасти эти отличия будут затронуты в гл. IV–VI, но, как нам представляется, именно в данной главе была бы уместна хотя бы суммарная характеристика религии этих метрополий. Отметим одно важное обстоятельство: И.Ю. Шауб показывает, что главными богами Ольвии, Херсонеса и Боспора были не высшие боги «старшего поколения», Зевс, Гера, Посейдон, Аид, но такие божества «младшего поколения», как Аполлон, Дионис, Артемида или Афродита, выдвинувшиеся

на первый план в ходе колонизации, создания городов, далеких путешествий и общего прогресса цивилизации. Этот же рост популярности сопровождается смертных героев, Геракла и Ахилла, стяжавших свою славу великими подвигами и завоевавших бессмертие и место рядом с богами. Заметим, однако, что совершенно аналогичные процессы происходят во всём греческом мире, где Аполлон стал символом греческой культуры, а Афина Паллада, покровительница городов, ремёсел и организованной войны – символом новой греческой цивилизации.

В главе IV (на наш взгляд, более удачной) автор анализирует верования и культа местного населения Северного Причерноморья, т.е. варварскую составляющую взаимодействия. Центральное место в главе занимает детальный анализ образа Великой Матери (с. 80–123), который и далее будет занимать в монографии едва ли не главную позицию. Согласно концепции И.Ю. Шауба, аргументы которого представляются весьма убедительными, образ великой богини лежит в основе ряда греческих (Гея, Рея, Деметра, отчасти – Артемида, Афродита и даже Афина) и восточных (Астарты, Изиды, Иштар) божеств (с. 88). От неё же произошли и богини скифов – Владычица Зверей (с. 87), змееногая богиня (с. 90) и упоминаемые Геродотом Табиты, Апи и Аргимпаса (с. 86); как мы увидим, с образом Великой Богини тесно связаны и предание об амазонках (с. 109–111), и культа херсонес-

ской Девы и боспорской Афродиты Апатуры (с. 112–114). В силу своей универсальности, Великая Богиня оказалась неким связующим звеном между греческой и туземными религиями (с. 122–123), обеспечившим синкретические процессы (с. 413–414), а наиболее популярными в Северном Причерноморье оказались именно те божества, которые сохранили высокую степень связи со своим прототипом – Деметра, Кора и Афродита в Ольвии, Афродита, Артемида и Деметра на Боспоре и Дева и Деметра в Херсонесе.

Весьма интересны и другие разделы главы. Это анализ пришедшего из Ирана культа фарна, эманации небесного огня и светящейся жизненной силы, связанных с золотом и бараном (с. 123; 127–130; нет ли здесь ассоциации с темой «золотого руна»?) и рассмотрение скифских воинских культов (с. 130–144) и воинских ритуалов (с. 139–144), видную роль в которых играл культ меча (с. 135–137). Специальный раздел посвящен скифскому шаманизму и вере в посмертное существование души (с. 146–153), однако так и остаётся неясным, что именно автор, несомненно, имеющий своё мнение по этому поводу, понимает под шаманской практикой, и каковы её особые отличия от других жреческих практик?

Три последующие главы воссоздают картину религиозной жизни в Ольвии (гл. V), Херсонесе (гл. VI) и Боспорском царстве (гл. VII). В гл. V, рассматривая религиозные представления и культы оливиополитов,

И.Ю.Шауб даёт подробную информацию об археологических исследованиях ольвийских святилищ (с. 160–170), культах богов и героев (с. 171–233), жречестве и религиозных организациях (с. 233–250), находках в ольвийском некрополе (с. 250–258).

Центральное место занимает раздел о богах и героях, а главным достоинством этой и последующей глав является подробнейшая информация обо всех, даже практически незаметных проявлениях того или иного культа, данная автором с использованием самого широкого спектра источников, начиная от сообщений авторов и памятников эпиграфики и заканчивая граффити, осколками керамики и данными раскопок. Особое место посвящено главным богам Ольвии: Аполлону (с. 170–182), Ахиллу (с. 182–189), Дионису (с. 200–211), Деметре и Коре (с. 215–218) и Афродите (с. 223–224). Культ Аполлона, главного бога греческих колонистов, приобретает нехарактерную для него форму Аполлона Врача, встречающуюся только в Причерноморье (с. 170–171). Полемизируя со сторонниками ионийского происхождения культа, И.Ю. Шауб с полным на то основанием доказывает, что образ возник в результате взаимодействия греческого культа с понтийским и, вероятно, фракийскими божествами (с. 171–173). Подобная варварская подоснова имела место и в культе Ахилла, популярном в Средней Греции и Пелопоннесе и широко распространившемся в Северном Причерноморье (с. 183). Впрочем, по

данным самого И.Ю. Шауба, распространение культа Ахилла в Херсонесе и Боспорском царстве значительно уступало ольвийскому (с. 281; 366–367). Наконец, хотя культ Геракла был принесен в Северное Причерноморье греческими колонистами (с. 212–213) и, вероятно, олицетворял военную мощь и доблесть, равно как и предприимчивость эллинов, его образ подвергся здесь влиянию местной среды.

Некоторые боги были в Ольвии особенно популярны. Причиной популярности Диониса стало соединение в нем хтонической и олимпийской религий (с. 208), тогда как Деметра и Афродита, вероятно, особенно полно сохранили черты своего первоначального прообраза, Великой Матери. Засвидетельствованные источниками чисто (или преимущественно) греческие культы Зевса, Афины, Гермеса, Диоскуров и Посейдона (с. 219–223; 225–229; 232–233) оказались менее популярными, чем упомянутые выше синкретические культы. Малоизвестными (даже несмотря на близость к Богине Матери) оставались Артемида и Геката (с. 227–228), а в сравнительно позднее время в городе появился культ Тихе (с. 231–232), как и культ Афины, воплощавший государственное начало. Наконец, в Ольвии существовали экзотические культы, принесенные сюда греческими колонистами или даже другими этническими элементами (культы Кибелы и кабиров – с. 229–231).

Рассмотрение гл. V позволит нам существенно сократить обзор двух

последующих глав. Многие черты жизни Херсонеса близки к ольвийским. Мы видим все тот же высокий уровень популярности Диониса (с. 270–273), Афродиты (с. 280), Деметры и Коры (с. 276). Культ Зевса, не будучи широко распространен в Херсонесе, все-таки играл здесь большую роль, чем в Ольвии (с. 278), а с IV века до н.э. сюда пришли греческие официальные культы Афины и Ники (с. 280), встречаются и культы Гермеса и Диоскуров (с. 281–282). Имеются сведения о наличии экзотических культов, подобных культу Сабазия, Матери Богов Кибелы и уже известных по ольвийским материалам Кабиров (с. 274; 281).

В религиях Ольвии и Херсонеса обнаруживаются и различия. О главном ольвийском культе, культе Аполлона, в Херсонесе свидетельствуют лишь немногочисленные граффити и терракоты (с. 277), ещё меньше представлен культ другого ольвийского героя, Ахилла (с. 281). Главным мужским божеством этого города является Геракл, и И.Ю. Шауб подробно характеризует его роль защитника Херсонеса, соединившего в себе древние хтонические и земледельческие традиции и новые черты бога-спасителя (с. 269–270). Любопытно отмеченное автором противопоставление Геракла, покровителя демократических сил полисам более проаристократическим адептам Девы (с. 269).

Собственно, именно это таинственное божество является и главной загадкой херсонесского пантеона, и главным предметом научной дискус-

сии. И.Ю. Шауб решительно отвергает попытки отождествить Деву с Артемидой (с. 261–263), хотя, наверное отрицать близость этих культов было бы достаточно сложно, и полемизирует с попытками считать Партенос греческим культом. По мнению автора, херсонесская Дева была родственна таврской богине Деве (с. 264–265) и являлась ипостасью Великой Богини (с. 413). Мы бы признали правоту этого мнения с одной оговоркой – культ был очень сильно эллинизирован, а греки даже предпринимали попытки отгеснить варваров от этого божества.

Последняя глава (гл. VII) посвящена религиозной жизни жителей Боспорского царства. Значительную её часть занимают археологические сюжеты – раздел о храмах и святилищах (с. 288–314) и раздел о загробных представлениях боспорян, тесно связанный с темой изображений на керченских вазах (с. 369–412). Анализ материалов раскопок боспорских культовых сооружений, как полагает автор книги, отчетливо демонстрирует то обстоятельство, что в греческий Пантеон боспорских городов были включены местные божества, культы которых уподоблялись культам эллинских богов.

Как и в Ольвии, Аполлон был главным божеством Боспора или, по крайней мере, его столицы, Пантикапея (с. 314), и, наверное, ещё больше, чем там, имел черты варварского бога (с. 324). Особенностью Боспора было существование наряду с Аполлоном Врачом другой ипостаси этого бога,

Аполлона Гиперборейского, бывшего своего рода владыкой подземного мира и владыкой животных (с. 316; 319). Аполлон был связан и с урожаем, а в его символике часто фигурирует колос, символ хлебного богатства Боспора (с. 317–318). Аполлон приобретает черты умирающего и воскресающего божества, ставшего символом вечного возвращения (с. 319).

Сходную эволюцию претерпевает образ второго важнейшего божества Боспора, Афродиты, почитавшейся здесь как Афродита Апатура или Афродита Урания (с. 325–326). Как полагает И.Ю. Шауб, её популярность была связана с большой ролью колонистов с северо-запада Малой Азии, где она обладала чертами Великой Богини, Потнии Терон, Владычицы Зверей (с. 335). Тесно связанными с Потнией Терон были культы Диониса с его хтоническим и оргиастическим началами (с. 339–346) и Артемиды (с. 347). Связи между малоазийской богиней и местным женским божеством обусловили популярность других греческих богинь, Гекаты и Кибелы (с. 350–353), и даже культ Афины, сохранявший свои греческие черты, имел известные связи с этой культовой традицией (с. 360–361). Особое значение приобретает поклонение Деметре, тесно связанной не только с плодородием и культом зерна, столь важным для боспорской экономики, но и с загробными представлениями боспорян (с. 353–359).

Помимо Аполлона и Диониса, на Боспоре существовали культы Зевса

и Гермеса. Зевс оставался хранителем дома, защитником города и городских свобод (с. 368–369), а Гермес приобрёл популярность как покровитель торговли и покровитель агоний, палестр и гимнасиев (с. 364). Вместе с тем, автор отмечает роль этого бога как проводника душ умерших в загробный мир (с. 365). Особое переосмысление получает культ Ахилла, ставшего паредром Великой Богини с сильной хтонической подоплёкой этого образа (с. 366–368).

Таковы, в общих чертах, основные идеи монографии И.Ю. Шауба, и перед тем как сделать общий вывод, отметим те её стороны, которые могут вызвать замечания полемического характера. Ещё в главе II, полемизируя со своими оппонентами, отстаивающими чисто (или преимущественно) греческий характер культа, автор проводит мысль о большом значении «варварской составляющей» в религии Северного Причерноморья (напр. с. 44–48; 50; 56). Эта тенденция продолжается и далее и, хотя И.Ю. Шауб считает свою теорию «синтетической», временами, вероятно, в пылу полемики, он явно склоняется к преувеличению «варварского» фактора (с. 62; 73; 185; 261–262; 317–319; 389–390; 413–414). В ряде случаев, как, например, в случаях с Аполлоном Врачом или Девой, учёт «варварской составляющей» даёт очень хорошие результаты, однако в других (например, рассмотрение культа Ахилла) выводы становятся гораздо более спорными.

Полностью соглашаясь с необходимостью создания синтетической

теории, мы считаем, что этот синтез характеризуется очевидной греческой доминантой, как это обычно происходит при взаимодействии более цивилизованного и менее цивилизованного обществ. Греки были обществом с высокой степенью национальной и культурной идентичности, и примечательно, что даже потеряв политическую независимость в период римского завоевания, они сумели отстоять независимость культурную, а возникшая на месте бывшего греко-эллинистического мира Византия была в гораздо большей степени греческой, нежели «римской» империей. Двойную роль играл и фактор удалённости и относительной изоляции от основного эллинского мира. Если, с одной стороны, жители колоний должны были адаптироваться к чужой среде и перенимать её обычаи, другой стороной этого процесса неизбежно становилось усиление ностальгии по далёкой родине и её цивилизации. Эта идея вполне могла быть положена в основу выдающихся произведений греческой литературы, подобных «Ифигении в Тавриде» Еврипида.

Другим преувеличением автора можно считать его отношение к теме загробного мира. никоим образом не отрицая особую важность этих вопросов для религии и мифологии античного общества, заметим, что даже находясь на смертном одре, человек склонен забывать об этой угрозе, отвлекаясь на весьма разнообразные дела и «вызовы» этой жизни. Из этого следует, что зачастую тот или иной художественный

мотив, ритуал или культ вполне может иметь совершенно иное объяснение. На с. 69 автор пишет, что Геракл скифской легенды встречается с «царицей смерти», каковой является змееногая дева, но в мифе нет речи о смерти, напротив, результатом этого союза стало появление целого народа. Нам представляется явным преувеличением такого рода трактовка образа Ахилла (с. 187 слл.). При всем наличии хтонических корней этого образа и тесной связи Ахилла с темой смерти, мы убеждены в том, что для грека архаической, классической и более поздних эпох этот герой был, прежде всего, воплощением аристократического этоса и кодекса чести, а гомеровский образ явно доминировал над всеми более ранними и более поздними напластованиями. Более того, согласно традиции, идущей, по крайней мере, с Гомера, Ахилл получил своё положение «владыки подземного царства» именно своими воинскими подвигами. Несколько странно звучит утверждение автора, что Патрокл, Аяксы и Диомед при ближайшем рассмотрении оказываются... «мифологическими дублетами самого Ахилла» (с. 187), и тем более непонятно, почему Парис, скорее служащий воплощением образа «врага-варвара» с его вероломством, изнеженностью, умением нравиться женщинам, но и отсутствием настоящей мужественности, превращается в... бога-губителя и божество смерти (с. 391–395). И.Ю. Шауб видит тему смерти и в борьбе Геракла со львом (с. 240), и в терракотовых изображениях комических актеров,

исполнявших роль Геракла (с. 337–338), и в мифе о похищении Европы (с. 386–387), закончившимся любовным союзом и рождением сыновей. Заметим, что погребальный инвентарь мог состоять не только из предметов, имеющих значение для путешествия в загробное царство, но и из вещей, которые были дороги покойному в его земной жизни.

Последнее сомнение – это уже затронутая нами тема Великой Матери. Этот комплекс выводов, вероятно, очень дорог автору, а поиск её архаических черт в образах поздних греческих и негреческих богинь можно считать настоящим научным открытием И.Ю. Шауба, позволившим ему объяснить ряд ранее необъяснимых явлений. Вывод автора о генетической связи между Великим женским божеством и практически всеми богинями от Реи и Гекаты до Афродиты и Артемиды бесспорен, как справедливо и его мнение относительно существования этой связи на «международном» уровне, включая и богинь северных варваров, столкновение с которыми возродило уже изрядно забытые древние образы.

Всё это верно, но не менее верно и то, что уже на очень раннем этапе (самое позднее – во времена Гомера), дифференциация образов начинает отщипывать их общую основу. Сохраняя связь с жизнью и смертью, плодородием и родами, хтонической религией и женскими функциями организма, эти богини приобретали и осваивали свои новые сферы «ответственности». Афина становилась покровительни-

цей города и «городской революции», богиней ремёсел и олицетворением новой нарождающейся цивилизации, Деметра оказывалась не только богиней собственно плодородия, но и символом более развитого хлебопашества, становящегося основой греческой экономики, напротив, Артемида уходила в леса, превращаясь в богиню-охотницу и владычицу зверей, а Афродита, божество любви и красоты, всё же теряла откровенную сексуальность своих восточных предшественниц.

То же самое происходило и с героинями, и уже греки времён архаики видели в Елене, Медее и Ифигении не хтонические божества, а конкретные женские образы. Заметим, что если для И.Ю. Шуба Елена, прежде всего, выступает как супруга Ахилла, то господствующая версия мифа сообщает о ее примирении с Менелаем, долгой совместной жизни, забвении «грехов молодости» и посмер-

тной жизни на островах Блаженных. В заключение добавим, что всякого рода экзотические версии мифа типа приведенной Филостратом версии о людоедстве Ахилла (с. 185) вполне могут быть не только ранними, но и, напротив, поздними версиями мифа, порождёнными его литературными разработками или прямой фантазией авторов.

Наши возражения и замечания никоим образом не влияют на общее отношение к монографии, а дискуссионность некоторых выводов является скорее достоинством, нежели недостатком. Так или иначе, никакая научная критика не способна перечеркнуть огромной научной ценности этого первого обобщающего исследования северопричерноморской религии. Книга интересно написана и, как мы надеемся, найдет своего читателя и среди специалистов и среди людей, просто интересующихся данными сюжетами.

А.Б. ЕГОРОВ